

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 200

В.А. ТИШКОВ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ:
ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

*Материалы для обсуждения на
Методологическом семинаре ИЭА РАН
26 ноября 2009 г.*

Москва
2009

УДК 323.1(=1.47)
УДК 323.17
ББК Ф5
ББК Т3 (2)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Т 47 Тишков В.А..

Двадцать лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений (Материалы для обсуждения на методологическом семинаре ИЭА РАН 26 ноября 2009 г.) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2009. — Вып. 200. — 47 с.

ISBN 978-5-4211-0002-7

Это – перепечатка двух статей, опубликованных В. Тишковым в 1989 г. в журнале «Советская этнография». Тексты содержат ряд теоретических и политически ориентированных точек зрения и рекомендаций относительно нового состояния и новых приоритетов в этнографии в период либеральных реформ и роста этнических проявлений. В этих работах автор критически анализирует противоречивое наследие советской национальной политики и ограниченные методы отечественной этнографии. Он формулирует идеи нового видения таких базисных категорий как «нация» и «национальность», а также механизмов управления мультиэтническим государством. Материал предлагается для обсуждения на методологическом семинаре в Институте этнологии РАН, чтобы понять, как изменилась этнология с 1989 г. и насколько успешен диалог этнологов с властью.

© ИЭА РАН – 2009 г.
© В.А. Тишков – 2009 г.

В.А. Тишков

**Двадцать лет спустя:
Опыт переосмысления теории и практики
межнациональных отношений
(Материалы для обсуждения на методологическом семинаре
ИЭА РАН 26 ноября 2009 г.)**

This is a reprint of two articles published by Valery Tishkov in 1989 the journal Soviet Ethnography. These texts contained a number of theoretical and policy-oriented views and recommendations concerning new status and new priorities for this discipline in a situation of liberal reforms and growing ethnic manifestations. It was the moment when Tishkov critically analyzed contradictory legacies of the Soviet nationalities policy and limited practices of domestic ethnography. He formulated ideas of introducing new visions of such basic categories as "nation" and "indigenous-titular nationality" and of such mechanisms of governing multi-ethnic state through as ethno territorial as well extra territorial autonomy. There were many other innovative evaluations. This reprint with Michael Guboglo's introduction is a background and reference material for discussion at the methodological seminar at the IEA RAS to find an answer: how ethnology has changed since 1989 and how it was successful in its dialogue with power holders and ethnic activists.

СОДЕРЖАНИЕ

М.Н. Губогло. О падении Берлинской стены и о рождении новой доктрины
межнациональных отношений в постсоветской России
(Приглашение к участию в работе семинара)

4

В.А. Тишков. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР

7

В.А. Тишков. О новых подходах в теории и практике межнациональных
отношений

29

НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ

Я благодарен факту обсуждения на методологическом семинаре Института этнологии и антропологии РАН двух моих статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» 20 лет тому назад. Они были написаны до моего избрания-назначения директором института, но в них были изложены позиции, которые оставались со мною всегда при неизбежной для учёного эволюции взглядов. Для «затравки» дискуссии – цитата из О. Мандельштама:

*И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдёт,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою её произнесет.*

Валерий Тишков

О ПАДЕНИИ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ И О РОЖДЕНИИ НОВОЙ ДОКТРИНЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

(приглашение к участию в работе семинара)

Двадцать лет тому назад при содействии М.С. Горбачёва рухнула Берлинская стена, а при содействии В.А. Тишкова началась ревизия теории и практики межнациональных отношений в Советском Союзе. Обещанное Западом создание Европейского Союза с включением в его состав Советского Союза не состоялось. Старую ленинскую идею о «Соединённых штатах Европы» в полной мере реализовать не удалось. Советский лидер не только оказался жестоко обманутым в своих лучезарных ожиданиях в процветании страны в лоне единой Европы, но и в том, что вместо замораживания границ НАТО, Североатлантический блок приступил к угрожающему приближению к границам России.

Ослабленной ельцинской России Запад симпатизировал до тех пор, пока не пришла пора её укрепления при В.В. Путине.

Совсем иначе судьба сложилась у новорожденной два десятилетия тому назад новой теории межнациональных отношений, предложенной В.А. Тишковым. Наряду с политическими, социально-экономическими и этнокультурными факторами новая доктрина помогла России стать сильной и востребованной в качестве равноправного партнёра в нынешней международной обстановке. Путинскую и постпутинскую Россию уважают не за слабость, а за уверенность в себе. Поредели ряды армии западных специалистов, изучающих состояние межнациональных отношений, в первом десятилетии нового века по сравнению с закатным десятилетием прошлого столетия.

Разработанная в трёх публикуемых ниже статьях В.А. Тишкова основа теории и практики межнациональных отношений, хотя и не уберегла Советский Союз от развала, но она позволила сохранить мир, солидарность и стабильность в мультиэтнической, многоязычной и многоконфессиональной Российской Федерации. Опорными точками этой концепции, в частности, стали объективный анализ причин «этнического возрождения», как назревшая необходимость устранения исторически сложившихся несправедливостей между государством и народами, проявления дискриминации малочисленных или отсталых в прошлом этнических образований, нарастающая конкуренция по использованию природных ресурсов.

Выдвинув сферу межнациональных отношений в один ряд с экономическими и социально-политическими отношениями, В.А. Тишков со знанием реальной ситуации призвал перейти к постижению и регулированию этнического фактора и взлёта

этнического самосознания, от интенсивности к разумности и сдержанности его проявления.

Важнейшей стороной изучения и оптимизации межнациональных отношений в смутное время накануне развала СССР была декларирована необходимость прервать «обет молчания» в области межнациональных отношений, которая ранее была объявлена деликатной сферой. Созданный при ИЭА РАН и действующий до сих пор мониторинг межнациональных конфликтов – один из примеров воплощения доктринальной установки на практике.

Методологическому переоснащению концепции межнациональных отношений в немалой мере способствовали, в частности, – отказ от трёхчленного разделения этнических образований: «племя – народность – нация» и замена его понятием «национальность», понятием, манифестирующим равноправие граждан независимо от этнической принадлежности и социальной зрелости этнического образования; переход от этнически понимаемой нации к нации гражданской; отказ от деления представителей национальностей на коренных и некоренных. Все эти и другие факторы требуют серьёзного обсуждения.

Вместе с тем некоторые эйфорично изложенные двадцать лет тому назад постулаты, как, например, о правах народов, в т. ч. права на существование, на самоидентификацию, на суверенность, на самоопределение и самоуправление со временем из-за юридических сомнений в народах как субъектах права, потускнели и оказались отодвинутыми на периферию политики межнациональных отношений.

Однако праву на сохранение культурной самобытности, включённому В.А. Тишковым в ткань постсоветской доктрины межнациональных отношений, обеспечена долгая жизнь и по справедливости надёжная государственная поддержка. Об этом можно судить по ряду федеральных и республиканских законов, например, по закону «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (24.05.1999 г.), а также по предложенной Президиумом РАН Программе фундаментальных исследований «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», рассчитанной на 2009–2011 гг.

Пугающий ортодоксов смутного времени призыв В.А. Тишкова «Не бояться задать вопрос и дать ответ, в чём К. Маркс и В.И. Ленин не смогли оказаться провидцами на столетие вперёд... какие из положений и оценок сегодня просто не работают» вполне правомерно задать и автору новой (Тишкова) теории межнациональных отношений. Без такого подхода, инициированного самим В.А. Тишковым, сегодня трудно представить себе творческое развитие теории и преодоление годами «налаженного» догматизма.

Значительная часть теоретических постулатов, изложенных в переиздаваемых ниже статьях, была положена в доктринальную основу «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (15.06.1996 г.) и в основу целой серии законов, принятых во второй половине 1990-х гг., среди которых едва ли не самым важным стал закон «О национально-культурной автономии» (17.06.1996 г.).

В воплощении в жизнь новой теории во многом способствовало участие ведущих учёных Института этнологии и антропологии РАН, участвующих в её реализации совместно с влиятельными политиками на рубеже старого и нового века Р.Г. Абдулатиповым, В.Ю. Зориным, В.А. Михайловым.

Анализ публикаций последнего времени в журнале «Этнографическое обозрение», а также отчётов ИЭА РАН и итогов пятилетней работы методологического семинара при ИЭА РАН свидетельствует об ослаблении дискуссий, критической полемики и заинтересованного обсуждения актуальных вопросов теории и практики межнациональных отношений. Госдума не приняла ни одного сколько-нибудь заметного закона, Министерство регионального развития самоустранялось от обсуждения и разработки программ в поддержку самобытности народов. Между тем, предпринятое академиком В.А. Тишковым два десятилетия тому назад переоснащение концепции межнациональных отношений, побуждает к заинтересованному обсуждению того, от какого наследства мы отказались и что из этого наследства сохранилось, и что следует сохранять и развивать. Правомерным и рациональным ли был, например, отказ от интернационального воспитания, что создало в обществе острый дефицит солидарности, как основы стабильности.

Переиздавая свои давние публикации, академик В.А. Тишков, историк по своему базовому образованию, относится к ним как к историческому источнику и не меняет «ни одной запятой». Вызывая тем самым огонь на себя, он вместе с тем напоминает об индивидуальной, гражданской и нравственной ответственности каждого из нас за создаваемые тексты и свидетельствует о том, что межнациональные отношения не терпят ни околону научной суеты, ни историографического безмолвия.

Михаил Губогло
07.11.2009

О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР*

Сложившаяся в стране острая и во многом кризисная ситуация в сфере межнациональных отношений, грозящая самому существованию Советского многонационального государства, а не только ходу перестройки, требует осуществления глубоких реформ. Эти реформы должны быть основаны на действительно новых подходах, которые учитывали бы как специфический опыт советской действительности, так и некоторые закономерности глобального характера, свойственные современному миру, общие тенденции, действующие в общественной жизни многонациональных государств в конце XX в. Эти реформы должны преследовать не только задачи устранения деформаций и накопившихся кризисных проблем, но и главные наши цели – строительство справедливого, демократического гражданского сообщества. Для этого необходимо изменить политику в сфере межнациональных отношений, которая в настоящем её виде, включая концептуально-теоретический багаж и государственно-правовую практику, устарела, во многом просто неверна и превратилась в тормоз дальнейшего развития советского общества.

К ОЦЕНКЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ОБЩИХ ПОДХОДОВ

В нашей стране действительно произошёл стремительный рост национального самосознания народов, проявившийся не только в форме историко-культурного движения, но и в общественно-политической деятельности, что в значительной мере было стимулировано политикой перестройки. Но феномен т. н. «этнического возрождения», наметившийся в 1950–1960-е гг., имеет место во всём мире.

В последние годы с возрастанием влияния этнического фактора в общественной жизни и возникающими на этой основе проблемами (включая этнические конфликты, сепаратистские движения) столкнулись в различной степени многие страны мира, независимо от их географического положения и характера социального устройства.

Из 120 войн и военных конфликтов, имеющих место в современном мире, 86 (72 %) носят этнический, этнорасовый или этнорелигиозный характер. Бурлящие по всему земному шару очаги этнических конфликтов некоторые зарубежные авторы называют «невидимой третьей мировой войной»¹. Подавляющее большинство этих конфликтов приходится на страны Азии, Африки и Латинской Америки, где этнические противо-

* Статья была опубликована: СЭ.1989. № 1. С.73-89.

речия проецируют на себя бремя острейших социальных и политических проблем. В развитых буржуазно-демократических государствах этот процесс идет почти исключительно в мирных формах политической борьбы и общественных движений, но и здесь во многих случаях он выдвигается на передний план общественной жизни в разных своих аспектах: этнорасовом (США), религиозном (Великобритания), языковом (Канада). Непростая ситуация в сфере межнациональных отношений складывается и в некоторых социалистических странах с полиэтническим составом населения.

Каковы причины глобального явления этнического возрождения? В ряде, а может быть, и в большинстве случаев, это – стремление устранить исторические, социально-политические несправедливости (накопившиеся за долгие годы существования колониальных империй и неоколониалистской политики в отношении многих народов), а также дискриминацию иммигрантских, расовых и этнорелигиозных групп в многонациональных государствах. Другая причина заключается в реакции этнокультурных общностей на некоторые объективные процессы, связанные с научно-техническим прогрессом, урбанизацией, распространением нивелирующих тенденций массовой культуры, интернационализацией сфер материальной культуры и быта. Этническая специфика, культурное своеобразие, перейдя из сферы материальной (жилище, одежда, хозяйственная деятельность) в сферу духовную, стали всё чаще служить своего рода «охранительной реакцией» на отчуждение и дегуманизирующее воздействие некоторых сторон современной цивилизации. Не следует сбрасывать со счетов и усиливающуюся в мире напряжённость на почве конкурирующей деятельности человеческих сообществ по использованию ресурсов жизнеобеспечения в условиях обостряющихся экологических проблем.

В СССР при анализе кризисных или просто острых ситуаций в сфере межнациональных отношений можно обнаружить проявления почти всех названных причин. Есть и накопившиеся неразрешенные проблемы исторического и социально-политического характера. Есть и реакция на разрушительное воздействие технологической цивилизации и современного образа жизни, особенно осязаемое в сфере культурных традиций, исторической памяти, размывание культурной мозаики по пугающим законам энтропии. Негативно отражается на межнациональных отношениях и не всегда продуманная хозяйственная деятельность, особенно в районах, где проживают народы, сохраняющие традиционный способ хозяйства (охота, рыболовство, промысел и т. п.), а также ограниченность природных ресурсов и территории в районах проживания тесно контактирующих народов при недостаточном объёме производимых материальных благ.

Необходимость глубоких реформ и преобразований в этой области выявилась как одно из наиболее важных и неотложных дел для советского государства и правящей партии в ходе перестройки. Целью этих реформ должно быть не «решение национального вопроса» или «проблем», а создание как можно более благоприятных условий для проявления и обеспечения специфических интересов советских граждан, обусловленных их принадлежностью к той или иной историко-культурной общности. Необходимо исходить из того, что сфера межнациональных отношений, её внутренняя динамика и проблемы в многонациональном государстве являются такой же объективной реальностью, как и сфера экономических и социально-политических отношений. Социальные и культурные общности, осознание ими своей самобытности не есть что-то изначально заданное, а конструируемое (на длительном или кратком отрезке времени) в процессе исторических перемен и потрясений. Со стороны государства и политических сил в союзе с наукой требуется постоянный анализ этой меняющейся ситуации, включая выявление факторов, которые вызывают «всплеск» этничности или, наоборот, «охлаждают» этнические чувства. Даже такие феномены и понятия, как «культура» и «традиции», должны восприниматься как живые, рождающиеся и угасающие явления, конструируемые людьми в процессе взаимодействия прошлого опыта и настоящей действительности.

Отсюда вторая важнейшая исходная посылка: к этнической ситуации в стране необходимо подходить не как к чему-то извечно заданному, а как к подверженным изменениям процессам проявления этнического. Эти процессы на данном историческом отрезке времени в мире в целом, а в СССР в условиях перестройки тем более, переживают этап наибольшей «интенсивности» и требуют по отношению к себе гибкого, многовариантного и чувствительного взаимодействия без их обязательной фиксации в конституционных структурах.

Сомнительным, на наш взгляд, представляется тезис, что сфера межнациональных отношений – особо деликатная, и неосторожные высказывания и оговорки могут привести к непредсказуемым реакциям и даже открытым конфликтам (имеется в виду обычно в республиках). Но это, как показывают последние события, далеко не так. Никакие, даже самые острые высказывания ученых, не вызвали такой бурной и действительно взрывной реакции, как полугласность в прессе, недостаток информации, сеявшие ложные слухи и взаимные подозрения. Ссылка на деликатность долгое время служила одним из обоснований обета молчания и бездумного приукрашивания действительности, оправданием для тех учёных, кто не хотел или боялся писать об острых проблемах. Поэтому полная гласность, особенно когда речь идет о позиции учё-

ных, – одно из неперенных условий обновления в наших исходных позициях. Причем гласность, обязательный компонент которой – честность и открытость в изложении своих концепций, их целей и возможных результатов. Наивно думать, что в сложном поиске и часто в трудном противостоянии какая-то из сторон может «переиграть» друг друга, что какой-то предложенный план или реформа могут содержать скрытый смысл и необъявленные возможные результаты.

И, наконец, очень важным для формулирования научных позиций является отказ от унитарного мышления, от наивной веры, что возможна выработка какой-то единой концепции, которая, будучи принятой в научной среде, должна быть проведена через весь процесс принятия политических решений. Дискуссии в Институте этнографии АН СССР, особенно в связи с событиями в Закавказье, с подготовкой XIX партийной конференции и предстоящего Пленума ЦК КПСС, показали широкую поляризацию взглядов ученых, а порою даже слишком поспешную их эволюцию, граничащую с давно скомпрометировавшей себя конъюнктурностью. Было бы более верным и действительно научным подходом признание возможности и даже необходимости существования различных альтернативных позиций и вариантов, которые учитывались бы на всех стадиях подготовки и решения вопросов, вплоть до самого высокого государственного уровня, когда наряду с соображениями специалистов по национальным отношениям должны учитываться и другие факторы. Желательно, чтобы при этом сохранялась индивидуальная ответственность ученых, а не безответственная анонимность в виде коллективных, спешно составленных по просьбе «сверху» материалов, последующая судьба которых, как правило, оказывается неизвестной, зависящей от мнения и амбиций аппаратных работников. Ученые должны иметь возможность непосредственно доложить и обосновать свои позиции в ходе обсуждения вопросов на самом высоком уровне, включая прежде всего законодательные органы. Это является принятой практикой парламентской демократии. Именно так я понимаю решение Политбюро ЦК КПСС от 13 октября 1988 г., предусматривающее привлечение ученых к подготовке Пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР.

ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ И КАТЕГОРИЯХ

Некоторые понятия, хотя и вошли в наши основные программные и конституционные документы, при строго научном подходе оказываются далеко не точно отражающими исторические и сегодняшние реалии. Расхожая фраза «в СССР живет более 100 наций и народностей» содержит в себе сомнительный постулат выделения типов

этнических общностей (народов) по трёхчленной формуле «племя – народность – нация». Даже в своем наиболее приемлемом стадияльном (или вертикальном) варианте (племя – доклассовый уровень общественного развития, народность – добуржуазный, нация – буржуазная и социалистическая стадии развития) эта формула до сих пор содержит много неясностей, требующих дополнительного научного осмысления. Тем более трудно согласиться с «горизонтальным» делением современных народов нашей страны на нации и народности, осуществляемым на основе практически единственного критерия – наличия или отсутствия государственности на уровне союзной или автономной республики. Ибо даже по признаку численности, не говоря уже о внутренних структурах, социально-экономических и культурных характеристиках, принципиальную грань между нацией и народностью провести сегодня невозможно. Нейтральный и обобщённый термин «народы» или «национальности» СССР, который, кстати, также присутствует в наших программных документах, в т. ч. в тексте Конституции и в резолюции XIX партконференции, представляется в настоящее время более уместным и более точным. Такое определение снимает ненужные противоречия и недоумения на уровне массового сознания и общественной практики, когда часть равноправных граждан страны должна относить себя к этнической общности более низкой категории, чем большинство населения. Меньше будет и путаницы в определении основных этнических единиц, составляющих население страны, как это сейчас имеет место.

Но как быть со столь, казалось бы, основополагающим термином, как «нация»? Представляется, что многолетние дискуссии о его содержании не случайно оказались малопродуктивными. До сих пор наша обществоведческая мысль пытается найти новую дефиницию взамен неудовлетворительной сталинской формулировки, которая, в свою очередь, основывалась на концепции, родившейся в Европе еще в конце XVIII в. и служившей почти два столетия мощной интегрирующей идеей в процессе становления государственности многих народов мира в эпоху развития капитализма. Но, кстати, в той же Западной Европе, достигшей к концу XX в. качественно нового уровня интеграции всех сторон общественной жизни народов и государств, эта идея нации как чего-то отличного от государства ныне проявляет явные признаки ослабления. Ее наиболее активные сторонники продолжают существовать в тех районах мира, где ещё не завершился процесс национального освобождения и утверждения государственного суверенитета, или же в тех развитых странах, где с требованиями признать их самостоятельными нациями выступают некоторые этнические группы с принижённым социальным статусом. Например, индейские народы в США и Канаде, на-

зывающие себя «первыми нациями» (имеется в виду фактор первозаселения континента).

Может быть, выход из теоретического тупика в отказе от термина «нация» в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, т. е. нация – это совокупность граждан одного государства. ООН объединяет не «этнонации» (такой термин сейчас пытаются ввести некоторые специалисты), а нации-государства. Правда, встаёт вопрос о новом определении типов этнических общностей, но, как мы знаем, дискуссия в этом направлении уже начата в нашей литературе². В этом случае из нашего терминологического арсенала исчезнет хотя бы одно из трёх равнозначно употребляемых определений: нации и народности, национальности, народы СССР, как это сейчас имеет место. Достаточно двух последних понятий, чтобы отразить реальную действительность СССР как многонационального (много национальностей) государства, не создавая при этом теоретическую неясность и ненужную усложненность категорий в общественно-политическом лексиконе. Вопрос этот, конечно, огромной теоретической важности. Он затрагивает саму суть марксистско-ленинского учения о национальном вопросе, которое, на мой взгляд, ныне нуждается в творческом обновлении.

Как известно, у основоположников марксизма-ленинизма этнические категории не были разработаны с достаточной дифференцированностью. К. Маркс иногда применял термин «нация» по отношению к народам, не обладающим своей государственностью или входящим в состав многонациональных государств, но чаще это означало государственное образование. Что касается В.И. Ленина, то суммарный вывод из анализа его работ также вполне однозначен. Для В.И. Ленина понятия «нация», «народность», «национальность», «народ» были синонимичны, и он не делал особых теоретических разработок этих понятий. В важнейшем документе «Декларация прав народов России» использованы только термины «народ» и «этнографическая группа».

Понятийным анахронизмом представляется нам и деление проживающих в республиках граждан на «коренные нации» и «некоренное население». Долгое время эти термины широко использовались в нашей стране. На основе этих понятий в значительной мере строилась политика в области национальных отношений и даже некоторые юридическо-правовые нормы на протяжении того периода в истории нашего общества, когда решалась задача преодоления отсталости и выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития. При внешней нейтральности этих понятий, они всё же неизбежно содержали оценочные моменты, характеризующие

различия в уровнях развития. Иначе невозможно объяснить, почему эти же понятия и связанные с ними привилегии (например, в области получения высшего образования) не распространялись на русских в РСФСР или на старожильческое русское население в Казахстане.

Опыт государственной политики, прежде всего зарубежных развитых стран, свидетельствует, что термины «коренное» или «аборигенное» население, или народы, употребляются преимущественно в отношении отставших в своем развитии народов, сохраняющих традиционную хозяйственно-культурную специфику. В зарубежном обществоведении понятия «коренные» или «аборигенные» народы употребляются в том же самом смысле по отношению к полукочевым, изолированным и другим сохраняющим традиционную культуру народам и группам автохтонного населения Азии, Африки, Австралии и Океании, находящимся в приниженном социальном положении. Эти народы всё чаще объединяет понятие «четвертый мир», имея в виду его особый социально-культурный статус и стоящие перед ним специфические проблемы. Именно там сегодня всё чаще и настойчивее звучит понятие «нация» как та самая символическая категория, прежде всего политического содержания, которая позволяет достичь необходимого уровня суверенитета и государственности. Как заявили вожди племен общинной организации «Ассамблея первых наций в Канаде», «...мы являемся нациями. Мы всегда были нациями, и в качестве таковых мы имеем исторические права, которых никогда не уступали. Мы имеем право определять наше гражданство. Мы имеем право на самоопределение. Мы через наше собственное правительство будем иметь полный контроль над нашей землей, включая также воздушное пространство, воды, минералы, леса и животный мир»³.

В отношении основных групп населения, формирующих современный облик народов прежде всего развитых стран мира, термин «коренные» или «аборигенные» не применяется, хотя, скажем, ни у кого нет сомнений в том, что греки, итальянцы, норвежцы в своих странах принадлежат к категории «коренных» народов.

В СССР в последние десятилетия с уменьшением разрыва в уровнях социально-культурного развития народов, урбанизации, миграций, интернационализации культуры и быта и, в то же время, роста национального самосознания больших и малых народов вполне естественно возникает вопрос о нелогичности и устарелости вышеупомянутых категорий.

Как показывает зарубежный и наш собственный опыт, сама по себе национальная государственность и статус «коренных» народов не являются достаточными для достижения вышеназванных целей развития. В условиях унаследованного от Российской

империи неравенства, отсталости и сравнительно низкого уровня накопленных материальных благ и общегосударственного национального продукта политика «коренизации» в первые десятилетия после революции приносила положительные результаты. В условиях достигнутого примерного равенства, выросшего материального благосостояния людей деление равноправных по закону граждан одной страны на категории «коренных» и «некоренных» не только утратило свое практическое значение, но и вносит неизбежно новые формы неравенства и ущемления демократии. Существованием данных различий наносится ущерб не только жителям республик «некоренной» национальности, но и не в меньшей степени самому «коренному» населению, ибо оно лишается притока в республику или область наиболее квалифицированных хозяйственных, научных и прочих кадров, которых сдерживает фактор потенциального отнесения их к «некоренному» населению и связанные с этим возможные ограничения в жизненном продвижении.

Задача демократизации общественных институтов и совершенствования национальных отношений определяет тенденцию не дальнейшего насыщения, а тем более усложнения используемых в общественно-политической практике понятий и терминов в сфере межнациональных отношений, а, наоборот, их упрощения с подчеркиванием общегражданских, общесоюзных и общереспубликанских моментов.

И в этой связи вызывает сожаление поспешный отказ некоторых ученых и публицистов от понятия «советский народ как новая историческая общность людей». Хотя и сформулированное далеко не в самую плодотворную пору теоретических изысканий, оно всё же, на мой взгляд, отражает реальный феномен складывания на основе союзной государственности однотипных социальных и культурных условий, своего рода метаэтничности, нового уровня осознания своей принадлежности к более широкой социально-культурной общности людей. Мы уже не просто сограждане, представители различных народов, но и обладатели целого комплекса общих черт, включая отдельные культурные характеристики, чувство общности исторической судьбы, некоторые черты социально-политического поведения, жизненные понятия и ценности.

Поэтому вполне можно говорить о наличии двух уровней самосознания у советских людей: о возможности одновременно ощущать себя и представителем собственного этноса, и представителем более широкой общности – советского народа.

Вновь рождающаяся этничность на основе определённой государственности не является чем-то исключительным и хорошо известна в мире. Если на ранних этапах истории преобладал процесс оформления в государство определенной этнической об-

щности, то в современную эпоху гораздо чаще государство выступает фактором складывания новых историко-культурных общностей. Так, сравнительно недавно сформировались латиноамериканские народы и многие, скажем, мексиканцы или перуанцы могут обладать двойным этническим самосознанием, считая себя принадлежащими к народу индейцев-ацтеков или индейцев-кечуа, так же как и к нации мексиканцев или перуанцев. Рождается новое этническое самосознание у населения вновь образовавшихся на разнородной основе африканских государств; формируются новые народы в пределах молодых стран Карибского бассейна. Процессы эти длительные, занимают не годы и даже не десятилетия, но и Советский Союз уже существует 70 лет, и нет оснований считать его каким-то исключительным случаем в истории.

О ПРАВАХ НАРОДОВ

В 1960–1980-е гг. произошел знаменательный прорыв в мировом общественном сознании в отстаивании и утверждении прав и специфических интересов народов, расовых, религиозных и национальных групп. В настоящий момент мировым сообществом признаётся, что существующие национальные законодательства и международно-правовая практика не обеспечивают интересов, которые имеют люди на основе своей принадлежности к той или иной общности историко-культурного, этнорасового, языкового или религиозного характера. Вопрос о правах народов нашел своё отражение не только в национальных законодательствах многих стран, но и на уровне важнейших международных договоров и деклараций, документов ООН и других международных организаций, в деятельности многочисленных и влиятельных неправительственных организаций и групп. Вокруг этих вопросов развернулась острая идеологическая и политическая борьба во многих странах.

В последние два десятилетия обогатилась и реальная общественная практика: возникли десятки новых внутригосударственных автономий, разного рода самоуправляющихся анклавов, имели место многочисленные территориально-административные изменения на этой почве. В 1970-х гг. добились самоуправления жители Гренландии. В Испании за последние 10–12 лет оформилось 17 автономий и страна превратилась фактически в сообщество регионально-коммуналистских образований, имеющих историко-культурную специфику. В США и Канаде многие индейские общины получили самоуправление, включая права на контроль за ресурсами, налогообложением, отправлением правосудия и т. д. В сентябре 1988 г. многолетняя борьба коренного населения Канадского Севера завершилась подписанием соглашения о создании в

составе федерации самостоятельного территориального образования в районе Западной Арктики. В Центральной Америке автономию получили индейцы-мискито после периода трудных взаимоотношений с сандинистским правительством Никарагуа. В Эфиопии добились автономии жители Эритреи, в Шри Ланке – тамилы.

Право народов на самоопределение стало одним из наиболее притягательных лозунгов и идеалов в борьбе людей за улучшение условий своего существования. В этой связи нельзя не вспомнить, что впервые право на самоопределение на уровне государственной политики было провозглашено и осуществлено в ходе Великой Октябрьской Социалистической революции. Принятая в ноябре 1917 г. «Декларация прав народов России» в этом плане является документом всемирного значения, а создание сильного многонационального советского государства – действительное завоевание социализма. В последующем как сама концепция, так и практика обеспечения прав народов, проживающих в СССР, пережили трудную судьбу и в какой-то момент стали отставать от меняющейся действительности, не отвечать в полной мере новой исторической ситуации. Представляется, что в настоящий момент развитие и углубление концепции прав народов и её последовательное осуществление в духе провозглашенных Великим Октябрем принципов являются одним из важнейших моментов в области национальной политики.

Попробуем определить некоторые из этих прав, как они ныне все более отчетливо оформляются в мировом общественном сознании.

Во многих международных документах одним из первейших формулируется право народов на существование. Нет оснований говорить о намеренных угрозах физическому существованию проживающих в СССР народов или насильственных действиях по отношению к ним со стороны государства. Хотя не нужно забывать о тяжелых последствиях в виде, прежде всего, массовых жертв, которые пережили некоторые «наказанные» народы.

Вышеназванное право включает и признание самого факта существования той или иной национальной общности со стороны государства. Важнейшим инструментом такой фиксации являются общегосударственные переписи населения, в ходе которых определяется этническое происхождение граждан по их самосознанию. Действующая в СССР практика официального «встречного» списка народов накладывает определенные ограничения на их волеизъявление: некоторые небольшие народы или этнические группы, сохраняющие до сих пор свое историко-культурное и языковое своеобразие, в ходе ряда последних переписей были вынуждены относить себя или к доми-

нирующему этническому окружению, или к некоему более широкому новообразованию. Имели место и обратные ситуации.

Само по себе существование научно разработанного списка народов для проведения переписей необходимо. Это помогает гражданам и переписчику принять более квалифицированное решение, устраняющее некоторые aberrации, связанные с локально-этнографическими или этнорелигиозными отличиями. Но в то же время представляется целесообразным при подведении итогов переписи 1969 г. избежать излишней «жестокости» списка, вызванной в свое время стремлением ускорить процесс интеграции небольших народов в более крупные этнические общности.

Широко признанным является и право на самоидентификацию, т. е. определение самими гражданами своей национальной принадлежности. Действующая в СССР практика фиксации национальности в паспортах по национальности одного из родителей накладывает определенные ограничения на выражение своего собственного этнического самосознания, а также лишает возможности граждан, утративших свою четкую этническую принадлежность или имеющих сложное (двойное или тройное) самосознание, отнести себя к более широкой категории «советский» или указать сложное происхождение. Во многих многонациональных странах сейчас при определении этнической принадлежности (вернее, происхождения) допускается множественный ответ или же самоидентификация на уровне общегосударственной общности.

Жители СФРЮ могут относить себя не только к одному из проживающих там народов, но и просто к «югославам», и таких в ходе последней переписи оказалось 1,5 млн. чел. В США по переписи 1980 г. 12 млн. граждан не смогли определить свое этническое происхождение по народу-предку и назвали таковым «американское», а более 80 млн. указали смешанное происхождение.

Вполне возможно, что и в СССР, если в ходе предстоящей переписи предоставить возможность в перечне национальностей выбрать категорию «советский», некоторое число граждан отнесет себя к последней. Это будут, прежде всего, потомки от смешанных браков, особенно дети, выросшие в семьях со сложной этнической родословной. Мы знаем достаточно примеров, когда человеку трудно определить, кто он по национальности, как этого требуют наши жесткие правила паспортной фиксации или инструкции переписчиков.

По крайней мере, если феномен двухуровневого этнического самосознания еще можно отнести к разряду дискуссионных, как некую перспективную тенденцию, то факт сложного этнического происхождения и самосознания, оспаривать невозможно. А это означает, что необходимо и официальное признание права человека считать себя при-

надлежащим не обязательно к одному народу. Почему нельзя быть одновременно литовцем и белорусом, если вы одинаково впитали в себя культуру и язык матери-литовки и отца-белоруса? А если ребёнок из литовско-белорусской семьи вырос в районе новостроек БАМа, в русском окружении и, достигнув совершеннолетия, считает себя русским, почему он, согласно нашим правилам, получая паспорт, должен записать себя только литовцем или белорусом? Это, прямо скажем, практика определения национальности по крови. Хотя национальное самосознание – понятие социально-культурное, с ним не рождаются, его обретают в ходе воспитания и социализации личности. Это – аксиома современного научного знания. И пора привести в соответствие с ней некоторые наши правовые регламентации в сфере национальных отношений.

Что касается малых народов Севера и некоторых других групп, пользующихся определенными привилегиями и специфическими правами, то существующая паспортная фиксация может быть заменена практикой официальных списков коренных жителей на уровне местных властей. И здесь сугубо индивидуальное право самоидентификации должно дополняться коллективным правом местных общин и органов власти определять принадлежность граждан к той или иной группе, чтобы избежать возможных попыток намеренно отнести себя к национальности, члены которой пользуются в данных условиях определенными привилегиями и специфическими правами. В мире сейчас всё шире распространяется практика предоставления аборигенным общинам, племенным советам права самим определять состав своей группы. Многие из этой практики может быть заимствовано, кроме, пожалуй, принципа устанавливать в качестве критерия этнической принадлежности ту или иную долю «аборигенной крови», которым пользуются некоторые аборигенные группы США и Канады.

Право на суверенитет, самоопределение и самоуправление обеспечено в СССР в его «одноразовом» варианте, который закреплён административно-государственным делением страны по национальному признаку и конституционным представительством в общесоюзных органах власти. Однако, если принцип разового осуществления народом или группой народов права на самоопределение в форме создания суверенного государства является, видимо, верным, то на внутригосударственном уровне этот принцип нуждается в модификации. В многонациональном государстве в силу демографических, миграционных, хозяйственно-культурных процессов, а также в результате действия общественно-политических сил и факторов, могут возникать ситуации, диктующие необходимость создания или упразднения тех или иных национально-государственных образований или изменения их статуса и границ. Эти струк-

туры не должны создаваться на века; в противном случае они могут превратиться в стагнирующие факторы общественного развития. И здесь следует напомнить, что структура национально-государственных образований существует в СССР уже более полувека и никакими конституционно-правовыми нормами не предусмотрена процедура ее изменения. Видимо, необходимы серьезные коррективы в юридическом понимании права самоопределения народов на внутригосударственном уровне. Причем в данном чрезвычайно важном вопросе демократизация в сфере национальной политики требует предусмотреть не столько систему декретирования и решений «сверху», сколько обращение к различным формам волеизъявления групп населения. При решении вопросов о государственных автономиях, затрагивающих территориальный аспект, волеизъявление должно касаться представителей всех народов, проживающих на территории, в пределах которой предполагаются упразднение, изменение или образование национальных автономий. Подобные референдумы в последние годы имели место при решении вопросов о самоопределении жителей Гренландии, населения провинции Квебек и Северо-Западных территорий в Канаде и в некоторых других странах.

Хотя народы стремились и стремятся для обеспечения своих интересов обрести ту или иную форму государственности, принцип создания государств «по национальности» (один народ – одно государство) не реализовался в истории: подавляющее большинство человечества живет сегодня в многонациональных государствах. Это означает, что понятие суверенитета, как правило, включает в себе неполный, «разделенный» суверенитет, а самоопределение и самоуправление не обязательно предполагают проведение государственных границ по границам этнических территорий, что, конечно, не отрицает существования последних, как, кстати, и возможности для той или иной территории принадлежать не только одному народу, а двум или даже нескольким одновременно.

Становится всё более очевидным, что в условиях действия современных мировых хозяйственных связей и сохраняющейся социально-политической неоднородности мира сама по себе возведенная в абсолют национальная государственность не гарантирует народу главного – процветающего и мирного существования. Гораздо в большей степени интересам народов, включая сохранение их культурной самобытности, отвечают различные формы автономии и самоуправления в составе более крупных образований, в которых обеспечены необходимые социальная гармония и демократические гарантии волеизъявления на индивидуальном и коллективном уровнях. В этом плане разработка и углубление понятия автономии в ее сущностном, содержательном,

а не только формально-конституционном, аспекте является одной из задач строительства правового государства в нашей стране.

Что касается прав на сохранение культурной самобытности, включая сферы языка и образования, культурного наследия и народных традиций, то здесь отрицать наши огромные завоевания, было бы просто несправедливо. И они широко признаны во всем мире. Хотя многое сегодня нас не может устроить и в этой сфере, о чем свидетельствуют бурные дискуссии, особенно в среде творческой интеллигенции. Возрождается интерес к различным формам национально-культурной автономии, которая на начальных этапах нашей революции была сурово осуждена как недостаточная для осуществления радикальных социальных преобразований, а в новых исторических условиях может сыграть огромную позитивную роль. И в этом направлении уже предпринимаются конкретные шаги. Особенно они необходимы в сфере языка и образования.

В ряде случаев для малых народов Севера и некоторых других регионов, не менее важным условием сохранения культурной самобытности является традиционная хозяйственная деятельность. Традиционные виды хозяйства ныне во всем мире переживают кризис под влиянием процессов индустриализации и урбанизации, интенсивного промышленного освоения новых территорий, осуществления крупных хозяйственных проектов. Советский Союз не исключение. Вопрос заключается в том, как гармонично соединить закономерный процесс модернизации хозяйственной жизни в масштабах страны с традиционными занятиями, которые не исчерпали своих возможностей и играют важную роль в сохранении не только культурных ценностей, но и физического здоровья и морально-психологического состояния представителей малых народов.

Правильное решение этого вопроса не может быть найдено в узких рамках хозяйственного практицизма. Перспективным является внедрение достижений научно-технической революции, модернизации труда, а вместе с этим и условий жизни в рамках традиционных хозяйственных систем. Речь идет прежде всего об обеспечении населения современными видами транспорта и связи, более эффективными орудиями труда, используемыми при добыче и обработке продукции и т. д.

Жизнеспособной и эффективной формой хозяйственной организации, учитывающей традиционный опыт и культурно-ценностные ориентации народа, проявила себя в последние годы организация мелких кооперативов из числа коренных жителей. В Канаде в 1970–1980-е гг. среди северных народов возникло более 300 кооперативов, занятых изготовлением предметов искусства и ремесла, одежды, рыболовством,

обслуживанием туристов и т. д. Оживление советской кооперации создает для развития этих форм благоприятные условия.

В связи с обострением экологических проблем всё большее значение приобретает вопрос о праве народов на контроль за использованием природных богатств и ресурсов территорий их проживания. Во многих странах мира, особенно в зонах хозяйственного действия крупного монополистического капитала, эта проблема сегодня выдвигается на передний план общественно-политической жизни. Достаточно назвать такие регионы, как Австралия, Амазония или Аляска и Канадский Север. В ряде случаев аборигенному населению удалось добиться некоторых прав и участия в решении вопросов об осуществлении крупных нефтегазовых или гидроэнергетических проектов. На некоторые проекты в Канаде был наложен мораторий до осуществления более глубоких научных изысканий (прокладка нефтепровода в долине р. Маккензи). В ряде случаев выплачивались денежные компенсации и выделялись особые зоны с преимущественными правами использования их ресурсов коренными жителями (гидроэнергетические комплексы залива Джеймса).

В СССР, даже при наличии общенародной собственности на землю и средства производства и общегосударственном хозяйственном организме данный вопрос также всё чаще встает на повестку дня. Более того, есть свидетельства, что одной из причин конфликтных событий в Якутии была неудовлетворенность якутов тем, как идет промышленное строительство и как влияет современная индустрия на природную среду их обитания и традиционные занятия. В Ханты-Мансийском национальном округе в 1987 г. местные власти вступили в конфликт с хозяйственными ведомствами и организациями в связи с осуществлением строительства газопроводов, поскольку считали, что оно нанесёт крупный ущерб традиционным оленеводческим районам. Негативные последствия для культуры малых народов Сибири уже проявились при использовании территории их проживания под зону строительства БАМ.

Для того чтобы избежать обострения положения в данной области, прежде всего необходимы более тщательная научная проработка хозяйственных проектов в зонах проживания малых народов, включая изучение их общественного мнения, специфических запросов и нужд, тщательную экспертизу антропогенного воздействия на природу. В социально-правовом плане необходимо предусмотреть не только определенные отчисления от прибыли с используемых ресурсов на нужды коренного населения, его участие в контроле за хозяйственной деятельностью ведомств, а также предотвращение ущерба хозяйству и культуре этих народов.

В ряде стран сейчас практикуется создание обширных национальных парков-заповедников в районах с хрупким экологическим равновесием, экстремальными природными условиями, где на принадлежащих государству землях коренные жители получают исключительное право заниматься хозяйственной деятельностью. Создание таких заповедных зон также представляется необходимым в ряде северных районов СССР.

Перечень прав можно было бы продолжить, особенно тех, которые касаются духовной культуры, включая сферы языка и образования, сохранения и развития культурного наследия, но об этом в последнее время сказано было уже достаточно, особенно представителями творческой интеллигенции.

Но один, на мой взгляд, важнейший аспект жизни современных народов, главное условие их существования и развития, до сих пор не привлек должного внимания. Это право народов на доступ к достижениям мировой цивилизации и их использование.

Идея сохранения культурных «резерватов» и «счастливой первобытности» давно себя скомпрометировала в мире, хотя у неё по-прежнему есть сторонники из числа учёных, политиков и представителей делового мира. Прежде всего, сами народы стремятся организовать систему своего жизнеобеспечения на основе наиболее эффективных форм производственной деятельности, обеспечить как можно более высокий уровень материального существования, используя новейшие достижения и блага современной цивилизации. Адаптивные возможности народов, даже совсем недавно пребывавших на ранних стадиях исторической эволюции, поистине удивительны. Об этом свидетельствуют примеры быстро шагнувших в век электроники бывших кочевников-бедуинов в арабских эмиратах, переселившихся в современные жилища и вооружённых средствами компьютерной связи жителей даже самых отдалённых эскимосских общин Американского Севера и многих других народов Земли во второй половине XX в.

Можно и нужно гордиться глубиной исторических корней своего народа, но следует помнить и о том, что подавляющему большинству современных американцев не пришлось и одного дня прожить без канализации и центрального водоснабжения, а тем более, топить печи и носить воду из колодца, как это приходится делать до сих пор жителям российских деревень и многих малых и средних городов. Авторитет народа, хорошее социальное самочувствие его представителей и патриотизм в нынешнем мире питаются не только факторами численности, размерами территории, глубиной корней, но прежде всего – его современными достижениями и способностью обеспечить достойное существование. Патриотизм и чётко выраженное самосознание японцев, их авторитет во всём мире основаны не только на уважении и сохранении

традиционной культуры, но и на всемирном признании огромных достижений этого народа в сфере технологии, бизнеса, науки. Восстанавливая свои храмы, укрепляя национальные языки, но не овладев премудростями информатики и робототехники, вернувшись к земле, но не расставшись с косой, укрепив устои семьи как хозяйственно-производственной единицы, но не обеспечив поголовного обследования ультразвуком женщин рожениц, низкого уровня детской смертности и повсеместно доступного богатого пищевого рациона, смогут ли большие и малые народы нашей страны сохранить чувство гордости и свою культуру, обеспечить себе надежное будущее?

«Гордые духом и нищие телом», сможем ли мы как союз народов чувствовать себя достаточно уверенно в сообществе людей XXI века?

КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

В какой мере государственное устройство СССР, правовая практика, политические установки и идеологические воззрения по вопросам государственности соответствуют современным реалиям советского общества и потребностям нашего дальнейшего развития? Как известно, Л.И. Брежнев в докладе о проекте Конституции на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС заявил: «Опыт показал, что основные черты федеративного устройства СССР полностью оправдали себя. Поэтому нет нужды вносить какие-либо принципиальные изменения в формы советской социалистической федерации»⁴. В итоге новая Конституция СССР фактически сохранила структуры Конституции 1936 г., а незначительные изменения носят противоречивый характер и к «совершенствованию» межнациональных отношений мало что добавили.

Прежде всего, сохраняется ограниченное понятие социалистического федерализма: «Союз ССР учрежден в результате свободного самоопределения наций на основе принципа социалистического федерализма, т. е. на национально-территориальных началах, началах добровольности объединения и равноправия субъектов федерации»⁵. За социалистический принцип советской федерации выдаётся тот факт, что «в состав СССР входят не географические районы или административные единицы, а национальные государства»⁶. Соответственно и было изменено название раздела конституции: вместо «Государственное устройство» (1936 г.) теперь «Национально-государственное устройство», что, строго говоря, означает отсутствие у союзного государства-федерации административного деления (им обладают союзные республики, имеющие соответствующие разделы в своих конституциях), ибо субъектами федерации выступают 15 «национальных государств».

Не говоря о том, что само это понятие применительно к союзным республикам является неточным, т. к. последние многонациональны по составу, как и союзное государство, в данном виде принцип социалистического федерализма плохо соотносится как с духом марксистско-ленинского учения о государстве, так и с мировой практикой федерализма, да и с нашим собственным прошлым опытом. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подчеркивал, что государство отличается от старой родовой организации «разделением подданных государства по территориальным делениям»⁷. Эту характеристику до сих пор сохраняют практически все государства мира, особенно крупные, в т. ч. образованные на принципе федерации. И нет никаких оснований считать территориально-географическое деление федеративного государства принципом буржуазных федераций, противопоставляя его национально-государственному делению как принципу социалистического федерализма.

Среди многих десятков, ныне существующих федеративных государств, пожалуй, только СССР и СФРЮ имеют субъектами федерации «национальные государства», в остальных же случаях таковыми являются административно-территориальные единицы (провинции, штаты, кантоны и пр.), которые, конечно же, во многих случаях образованы с учётом национального состава населения. Так обстоит дело и с маленькой Швейцарией, и с огромной Индией, расовый, этнический и религиозный состав населения которой не менее разнообразен, чем в СССР. Всё же главными факторами, влияющими на административно-территориальное деление государств, являются пространственно-хозяйственные связи. Да и сами государства, в т. ч. федеративные объединения, возникают и существуют для наиболее успешной организации производственной деятельности человеческого общества – главного условия материального бытия человека. Не случайно при формулировании целей образования Союза ССР в Декларации об образовании СССР они были определены как – «обеспечение внешней безопасности» (вполне понятный приоритет первого социалистического государства в условиях враждебного окружения), «внутреннее хозяйственное преуспевание», «свобода национального развития» и т. д. В Конституции СССР 1936 г. по этому вопросу ничего не говорилось.

В Конституции 1977 г. в ст. 70 говорится в общей форме, что СССР «сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма».

Так как же быть с «хозяйственным преуспеванием»? – вопрос, в нынешних условиях равнозначный вопросу об «успешном строительстве коммунистического общества». Нужно ответить определенно: если мы ставим цель создания подлинно современ-

ного сообщества, способного обеспечить наилучшие условия социального существования его членов на основе самых передовых форм труда и демократического устройства, то такое сообщество и его государственная форма несовместимы с абсолютизацией статуса части составляющих его единиц. По крайней мере, современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добилось разительных успехов в своем развитии при том, что его народы «разбежались по своим этническим квартирам». Эффективные хозяйственные связи и промышленные комплексы должны строиться с учётом климата, ресурсов, рынка, социально-экономических факторов, а не с учётом престижных ориентаций на создание «национального рабочего класса» и однотипной социальной структуры «советских наций». Эта схожесть должна в конечном итоге быть достигнута не намеренным созданием своих диверсифицированных экономик в пределах национально-государственных образований, а высокой мобильностью представителей всех национальностей. Без этой мобильности населения, готовности любого работника-специалиста, независимо от этнического происхождения, сменить место жительства в интересах лучшего применения своих профессиональных возможностей высокоэффективного хозяйства нам не создать. А уж тем более невозможно совместить организацию современного высокоэффективного производства с хозяйственной автаркией «национальных государств». Последняя, вполне возможно, в ряде районов (республик) сможет вытащить экономику из кризисного состояния, но впоследствии станет тормозящим фактором развития.

Выбор в качестве субъектов федерации «национальных государств» ослабляет по ряду причин суверенитет общесоюзного государства. Трудно согласиться, что добавление в тексте новой Конституции в определение нашего государства слова «единое» (статья 70) «отражает прежде всего процесс укрепления союзных начал в нашем государстве, прогрессирующее сближение наций и народностей СССР»⁸. На конституционном уровне общесоюзный суверенитет выражен в СССР гораздо слабее, чем в других странах, прежде всего, по той причине, что не очень ясно, чей суверенитет выражает наше государство.

Мы лишены столь мощного консолидирующего начала, как общенациональная идея, которая, родившись в эпоху буржуазных революций конца XVIII в., продолжает и сегодня служить делу государственного суверенитета. Трудно найти государство, где бы не считалось, что объектом его суверенитета является «нация». И хотя хорошо известно, что, скажем, в Испании проживает как минимум четыре крупных народа, а в Индии их десятки, но всё же существуют и такие понятия, как «испанская нация»,

«индийская нация», целостность которой выражена государством. Как известно, «советской нации» не существует, а СССР – это государство, выражающее суверенитет советского народа, с пониманием целостности которого; как отмечалось выше, у нас не всё обстоит благополучно.

Единство нашего Союза за время его существования основывалось скорее не на конституционно-правовых принципах, а на других началах, даже парадоксально противоположных. С одной стороны, это – вера людей в социалистический идеал, сила и монолитность политической системы прежде всего в лице правящей партии. С другой, – на ограничениях демократии и волеизъявления в условиях командно-административной системы, доходящих до откровенно тоталитарных форм власти на протяжении довольно длительного исторического периода. В условиях процесса демократизации общественной жизни всего нашего государства, возрастающего плюрализма и элементов саморазвития, укрепление конституционно-правовых основ общесоюзного суверенитета становится задачей исключительно актуальной.

Как же в этих условиях должно обстоять дело с реализацией одной из целей нашего союза – обеспечением «свободы национального развития»? Здесь, на наш взгляд, необходимы существенные изменения наших взглядов и политико-государственной практики. Наиболее остро стоит вопрос о концепции «национальных государств» и «национально-территориальных образований». Как уже отмечалось, подавляющее большинство человечества живет сегодня в многонациональных государствах. Огромные трудности оказались и на пути обеспечения национальной государственности внутри многонациональных образований. Еще до революции С.Г. Шаумян писал: «Нации настолько смешались друг с другом, что уже нет национальных территорий, в пределах которых можно было бы с лёгкостью учредить национальные федеративные или автономные органы»⁹. Фактически с самого начала советские республики складывались как многонациональные образования. Процесс межэтнического смешения происходил за годы советской власти и будет происходить в будущем.

Всё же наша реальная практика свелась к абсолютизации прав республик, имея в виду права «коренных наций». Но, во-первых, сама по себе государственность оказалась недостаточной для обеспечения этих прав в условиях социально-экономических деформаций и нарушений общедемократических норм и принципов. Эти права зачастую сводились к приобретению престижных атрибутов власти и форм проявления национальной культуры. Во-вторых, вне субъектов этих национальных прав оказались многие десятки народов, не имеющих никакой государственности. В-третьих, та-

кое понимание национальных прав и их конституционно-государственное обеспечение не распространялось на 55 млн. советских граждан, живущих за пределами своих собственных национальных образований.

Генеральной линией в обеспечении национального развития составляющих союз этнических единиц должно быть обеспечение прав народов на общегосударственном уровне, соответственно закреплённое в Конституции СССР.

Но ещё более важным представляется обеспечение этих прав через развитие и углубление индивидуальных прав и свобод советских граждан. Только путем реализации этих прав возможно создать в стране ситуацию, когда каждый гражданин, независимо от своего этнического происхождения, чувствовал бы себя, как дома, в любом уголке Советского Союза. Именно так была сформулирована Политбюро ЦК КПСС одна из задач перестройки в сфере межнациональных отношений.

Укрепление общесоюзных начал и общегражданских прав должно в конечном итоге перевести вопрос об определении национальности граждан нашего государства из сферы политической и законодательной деятельности в сферу науки и статистики. Высокий материальный уровень жизни и гармоничные социальные отношения, подлинная демократия составят надежный и долговременный фундамент сохранения и развития культурного многообразия народов нашей страны.

О ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ РЕФОРМАХ

Многое из сказанного выше может показаться слишком поспешным, забеганием вперёд в политике межнациональных отношений. Логика здесь простая: «На улицах Еревана танки, а Вы о референдумах». Согласен – многое из вышеизложенного относится скорее к программе-максимум и связано с долговременными тенденциями общественного развития, с конечными целями перестройки. Мы же в настоящий момент в сфере межнациональных отношений пока разгребает завалы прошлого, выявляем позиции, с удивлением обнаруживаем очередные «горячие точки», глубоко переживаем кризисные и даже трагические ситуации, довольно неуклюже (как бы не вышло чего похуже!) пытаемся их разрешить.

Этот этап оплаты срочных долгов необходим, и у него также должна быть своя программа-минимум, суть которой в удовлетворении, поддержке, развитии многообразных интересов составляющей союз этнической мозаики: слишком долго этот процесс сдерживался и «канализировался» по верхушечным структурам административной системы. Это необходимо для более прочного и осознанного единения народов и укрепления государства-федерации.

К числу самых неотложных реформ программы-минимум я бы отнес конституционное оформление некоторых общих принципов межнациональных отношений и принятие в их рамках Декларации о правах народов СССР, которая обеспечивала бы в интересах национального развития гражданам различной национальности специфические одинаковые права. Некоторые из них нами были сформулированы. Они могут быть более детальны и дробны, но, во всяком случае, должны быть широко обсуждены и впитать в себя международно-правовой и позитивный опыт зарубежных стран.

В комплексе срочных мер нужны некоторые решительные шаги по упрочению общесоюзного суверенитета и общегражданских прав, имеющих самое прямое отношение к внутренней жизни многонационального государства. Это, прежде всего, конституционное закрепление языка, которым владеет большинство населения (русского), в качестве официального, общегосударственного. Никакое государство не может существовать без единого языка, на котором действовала бы система государственных учреждений, а граждане осуществляли свои права на всей территории. Должна быть такая ситуация, при которой существовал бы язык, на котором любой гражданин в любом месте страны мог обратиться к продавцу в магазине или аптеке, в билетную кассу или к оператору междугородней телефонной станции, зная, что по закону имеет право получить ответ на этом языке. Только нашей низкой потребностью в гражданско-правовой защищённости можно объяснить растерянность гостя в той или иной республике за пределами РСФСР, получившего надменное молчание в ответ на вопрос, заданный на русском языке тому или иному работнику государственного учреждения.

Официальный общегосударственный язык должен дополниться законами об официальном двуязычии (или многоязычии) в национально-государственных образованиях, позволяющим народам обеспечить аналогичное право на территории своего преимущественного проживания. Но официальное одноязычие (только национальный язык) создаст немыслимую ситуацию для нормальной государственной жизни и обеспечения равноправия граждан, независимо от национальной принадлежности, на всей территории СССР. Ссылка на то, что русский язык добровольно избран языком межнационального общения не является достаточной гарантией по одной простой причине – «добрая воля» не может быть основой обеспечения права, ибо подвержена, особенно на индивидуальном уровне, самым элементарным переменам и даже капризам.

Как же всё обходилось с русским языком до сих пор? Уверен, что не только добрая воля, но и жёсткая система централизации власти, репрессивные меры и прочие силовые подходы обеспечивали существование единого общегосударственного языка. На

смену последним факторам должна придти конституционная гарантия, которая вместе с доброй волей (необходимость которой никто не отрицает) составит основу нашей языковой жизни.

Глубоко демократической (и давно назревшей) мерой было бы упразднение паспортной системы в СССР, вместе с которой исчезла бы и сохраняющаяся со сталинских времен практика государственной фиксации этнического происхождения граждан. Все, в т. ч. многонациональные государства, обходятся без этой практики. Если в СССР Конституцией гарантированы одинаковые права граждан, независимо от национальности, то зачем и для чего гражданин должен «докладывать» свою национальность бесчисленным чиновникам, от директора до библиотекаря? Зато случаев, когда эта запись в документе служила поводом для нарушений прав личности или для получения незаслуженных привилегий, можно привести более чем достаточно. Мы назвали лишь некоторые из назревших реформ по программе-минимум.

Что же касается преобразований с расчётом на дальние перспективы, то было бы самым разумным подождать результатов перестройки нашей хозяйственной жизни, демократизации политических структур, возрастающей зрелости общественного сознания людей, которые не могут не дать улучшения материальных условий жизни и социального самочувствия советских людей. И тогда новый мир межнациональных отношений утвердится через более спокойные и гармоничные формы, чем это приходится делать сейчас в начале пути.

О НОВЫХ ПОДХОДАХ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Надо признать, что господствовавшее в нашем общественном сознании и политической практике представление о существовании в СССР «национального вопроса», который «решен в том виде, как он нам достался от дореволюционного прошлого»¹⁰, не соответствует реальности. Само это понятие «национальный вопрос» неудовлетворительно. Во-первых, «вопрос» для кого: для Москвы, для России, для русского народа или для узбеков, эстонцев, крымских татар и чукчей, у которых на этот «национальный вопрос» вполне ведь может быть и свой «национальный ответ»? Не лучше ли отказаться от этой установки на «вопрос», а подходить к проблемам межнациональ-

* Статья была опубликована: СЭ.1989. № 5. С. 3–14

ных отношений так же, как мы подходим к проблемам экономическим, социально-политическим или культурным. Не говорим же мы, что в СССР существует «экономический вопрос» или «политический вопрос».

Во-вторых, само понятие вопроса в нашем общественном менталитете почти неизбежно связывается с установкой на его решение. А между тем сам по себе «решенческий» подход чреват тем, что как бы блокирует последующие шаги в политике и не учитывает возможности неминуемого возникновения новых проблем и противоречий, заложенных в самой диалектике жизни многонационального государства. Не будет ли более правильным отношение к сфере межнациональных отношений и к возникающим в ней проблемам, как к некой «константе» нашей общественной жизни, требующей гибкого и многовариантного реагирования без зачастую тупиковой установки обязательно найти быстрое и окончательное решение? Это, конечно, не отменяет необходимости осуществления и в данной сфере глубоких перемен в ходе перестройки, где доминантной установкой должны быть терпимость к многообразию и признание несоответствия сегодняшних структур существующим реалиям.

Ещё одна черта нашего общественного менталитета, отчётливо выражаемая средствами информации, – это установка или претензии на научный анализ, на «обсуждение проблем» межнациональных отношений (в последнее время обязательно за «круглым столом») вместо того, чтобы рассказывать о проблемах и сообщать о событиях, что является главным предназначением печати и телевидения. Сравниваю английскую газету «Гардиан» за 1 апреля и «Правду» за 3 апреля 1989 г.: в обеих – обширные материалы по проблемам межнациональных отношений. В первом случае – детальная информация о шотландском сепаратизме, включающая статистику, фотографии, во втором – в обрамлении 16 портретов дискуссия по теме «СССР – наш общий дом», суть которой не более чем интеллектуальные упражнения уважаемых и известных представителей творческой интеллигенции. Какую информацию получили десятки миллионов читателей газеты, где есть ряд умных и, возможно, точных рассуждений, оценок, но не меньше и банальных констатаций? И как рядовому читателю отличить среди этих высказываний рациональное от неосознанно расистских сентенций типа: «каждый человек должен нести в себе “генотип” своего народа», а «интернационализм, всемирная отзывчивость – это генетическое свойство русского народа», или осознанно антиисторических типа: «единственная страна, не знавшая колоний, это Россия»¹¹.

Вот уж действительно приходится вспомнить пропетое В. Высоцким сочувствие компании весьма сообразительных телезрителей, которым «краснобай и баламут» с

экрана ЦТ «все мозги разбил на части, все извилины заплел». Аналогичные реакции вполне могли возникнуть и после многочасовых повторов четырех телепередач по вопросам межнациональных отношений, организованных обществом «Знание». Не интереснее и полезнее было бы использовать телевизионное время и газетные полосы для информации о жизни и проблемах народов и национальных групп в нашей стране? Газеты и телевидение в течение более года сумели обойтись информацией действительно «вокруг Карабаха», а не о самом Карабахе. Ни одного обстоятельного репортажа или очерка о жизни жителей этого края мы так и не получили, кроме полужанровых реплик перед заезжими микрофоном и телекамерой.

До сих пор нет настоящей информации о том, где и как живут в нашей стране немцы, крымские татары, гагаузы, нет журналистских репортажей из районов тесно контактирующих народов, где хорошо известно о непросто складывающихся межнациональных отношениях. Я уже не говорю о мечте любого западного журналиста сделать репортаж из уникальных по своей этнокультурной специфике районов мира, какими остаются до сих пор места проживания народов Севера, Памира, Кавказа. Повезло недавно русским старообрядцам на Аляске: в «Боинге», перелетевшем Берингов пролив, нашлось достаточно мест для советских журналистов, красочно поведавших о своих встречах через наши газеты и ЦТ. Ну, а почему бы не съездить в Богдановский р-н Грузии, в так называемые Мокрые горы, где уже около 150 лет живут духоборческие общины, и не рассказать об их далеко не простых проблемах?

«Мозговой штурм» проблем, их коллективное обсуждение лучше оставить специалистам, научным изданиям, теоретическим органам печати, но и здесь необходимо пересмотреть еще одну из, казалось бы, незыблемых исходных установок. Речь в данном случае идет о постулате «научного руководства обществом» и вытекающей из него установки на «разработку научных основ национальной политики». В свою очередь эта разработка мыслится как дружный поиск спасительной концепции, некоей универсальной формулы, которой должны руководствоваться политики и государственные деятели. И вот ЦК КПСС дает серию поручений Академии общественных наук и Институту марксизма-ленинизма, научно-исследовательским институтам АН СССР, проводятся научные конференции, на которых с заглавными докладами нередко выступают те же партийные работники, готовятся справки и записки «наверх». В результате на страницы газет и журналов выплескивается многоголосый спектр мнений, даже рождаются яркие формулы типа: «сильный Центр – сильные республики». Вот только контуры спасительной концепции никак не проясняются, даже если аппаратным работникам вместе с привлеченной «командой» и удаётся расшифровать

всю получаемую от ученых информацию и воплотить её в тексты проектов тезисов или резолюций будущих партийных решений. Так в чём же дело?

Нужно осознать тот факт, что наука не должна и не может дать некую единую и цельную концепцию развития межнациональных отношений, политической линии и государственной политики в данном вопросе. Самый ненаучный подход к науке и политике тот, который исключает разнообразие и альтернативность мнений, а индивидуальный поиск и ответственность учёных за свои взгляды и предложения заменяет обезличенными, эклектичными и в итоге безответственными «позициями институтов». Учёные могут дать анализ ситуаций, сообщить только им известную информацию, высказать свои мнения и рекомендации, но некая обезличенная наука может дать только некую обезличенную «сводную» концепцию «научного руководства обществом» или «научных основ политики». Подобными вещами мы занимались в нашей стране многие десятилетия и в итоге довели и общество, и обществознание до кризиса.

Видимо, всё дело в том, что общество и государство, включая и сферу политики, как механизмы, не могут строиться и развиваться только по научным конструкциям, в виде идеально-утопических доктрин или же конкретно расписанных программ. Как ни парадоксально, но именно этот путь скорее ведет к тупикам и катастрофам, чем внешне хаотическое, менее регламентированное, многовекторное развитие, при котором науке и учёным отводится вполне достойное место в процессе выработки политики и принятия решений при сохранении альтернативности и индивидуальности мнений и возможности выбора вплоть до самого высокого государственного уровня, когда принимаются окончательные решения. Что же касается самой науки, то здесь законы саморазвития вообще являются основополагающими, как и плюрализм взглядов и концепций.

При существующей в настоящий момент системе взаимодействия науки и партийно-государственного аппарата (Верховный Совет СССР, а тем более Совет Национальностей у нас еще по-настоящему не заработали, а механизма публичных слушаний пока нет), даже если вариантность решений проскакивает через дирекции гигантских научных монополий в виде наших академических институтов, она подвергается ставшему ритуальным усечению (на языке аппарата это называется «свести воедино») уже на уровне высших партийных органов. В итоге по важнейшим вопросам общественной жизни (этого же следует ожидать и в отношении межнациональных отношений) на обсуждение выносится единый документ, закреплённый авторитетом руководящего партийного органа. Он уже как бы «обречен» на улучшение, доработку, но

никак не на выражение мнения о его возможной эклектичности или даже несостоятельности.

Но со всем этим ещё можно было бы смириться, если бы сама наша наука в данной области и её теоретическая база пребывали в нормальном, здоровом состоянии, если бы сам характер нашего мышления и конституционно-правовые конструкции не несли на себе до сих пор тяжкий груз сталинского догматизма и отставших от времени когда-то, возможно, верных постулатов.

Те понятия, которыми мы повседневно оперируем в науке и практике, сегодня не позволяют даже определить, из каких этнических или историко-культурных общностей состоит население СССР. Вот только несколько вариантов, которые наиболее часто встречаются в нашем лексиконе: а) нации и народности; б) народы; в) национальности; г) нации и народы; д) нации и национальности; е) нации, народности и национальные группы и т. д.

Здесь мы подходим к трудному разговору, откладывать который уже нельзя. Со сталинских времен право на создание научных основ национальной политики принадлежало нашим философам и представителям историко-партийной науки. Именно они десятилетиями разрабатывали «марксистско-ленинскую теорию нации и национального вопроса»: писались тысячи книг и брошюр, защищались десятки тысяч кандидатских и докторских диссертаций. По большому счету, все это представляло грандиозную лженаучную акцию, которую можно сравнить с лысенковщиной в биологии, как по своей внутренней несостоятельности, так и по методам отстаивания своих позиций и взглядов. Научными эти работы нельзя назвать уже потому, что в них на чисто отсутствовал главный компонент – само исследовательское начало.

Вся «наука» в этой области сводилась к толкованию изречений классиков марксизма-ленинизма с дополнением «аргументации» в виде цитат из партийных документов и речей первых секретарей ЦК компартий союзных республик. Специалистов по национальному вопросу мало волновало и то обстоятельство, что их полувековые усилия не были признаны мировой наукой, где серьезно трудятся над аналогичными вопросами сотни ученых, в т. ч. искренне симпатизирующих марксизму. Высокомерное сектантство облачалось в непробиваемый жилет «критики фальсификации национальных отношений в СССР».

На внутреннем фронте ведущие «разработчики» теории также неустанно блюли непорочность принятых установок. «Поскольку... (фамилия здесь не важна – В.Т.) с особой настойчивостью отстаивает свой подход к национальным связям именно как к этническим, то остается только сделать вывод об отходе его от общепринятых в со-

ветской науке теоретико-методологических критериев анализа сущности нации как социально-исторической, а не только этнической категории»¹² – вот такие окрики-одергивания щедро раздавал своим коллегам тогдашний руководитель сектора национальных проблем Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. А ведь его оппонент всего-то и высказал мысль, что проживающие в инонациональной среде люди могут сохранять этнические связи со своим народом. Уже не окрик, а настоящий политический донос последовал из того же источника «на самый верх» накануне XXVII съезда партии на тогдашнего директора Института этнографии АН СССР и его коллектив, которые, якобы, совершали в стране «идеологическую диверсию», распространяя своими трудами «метастазы этничности». Вот такими были недавние нравы среди теоретиков национального вопроса.

Для того, чтобы основательно обновить наше теоретическое хозяйство как минимум необходимо задействовать потенциал профилирующей в этой области науки – этнографии, судьба которой в прежние времена складывалась непросто. Родившись еще в XIX в. как наука о народах, собирающая и описывающая предметы традиционной материальной и духовной культуры, этнография в СССР вместе с остальным мировым знанием в 1920–30-е гг. все больше превращалась в этнологию (корень «логос» – «знание» подчеркивал аналитические, народоведческие начала науки в отличие от «графос» – «описание»). Но затем последовали обвинения в космополитизме и грозные проработки. Советским этнологам пришлось ограничиться традиционной этнографией, но принципы, заложенные блестящей плеядой русских этнографов первой четверти XX в., в целом развивались. Коллективы ученых в Москве и Ленинграде остались верны высоким профессиональным стандартам и главному принципу – изучению народов, их жизни, культуры, прошлого на основе полевых исследований. Десятилетиями из Института этнографии АН СССР ежегодно уезжает около 60 экспедиционных отрядов в различные районы страны. И хотя в нашем межнациональном государстве наука о народах поставлена в униженное положение (учёные ютятся по 15 человек в 18-метровых комнатах, а бесценные экспедиционные материалы хранятся в подвалах), выходящие в последние два десятилетия ежегодно 25–30 научных книг сотрудников Института составили советским обществоведам репутацию, за которую не стыдно по самым строгим меркам сегодняшнего дня. Институт этнографии один из немногих гуманитарных учреждений сохранил свое достойное лицо, накопив уникальную и наиболее достоверную информацию о народах нашей страны и других народах мира. Он же способствовал подготовке профессиональных кадров этнологов в республиках.

Пишу это не по причине рецидива благодушия, а ради истины. И ради неё же не могу не сказать и слов критики в адрес своих коллег. Всё же изучение народов по отдельности, приоритетный интерес к реконструкции традиционного этнографического среза на конец XIX в., чрезмерная концентрация научных сил на трудоёмкой работе по этнографическим атласам способствовали отрыву от существующих проблем как в состоянии современных культур народов, так и в сфере взаимоотношений между народами. Отчасти это была защитная реакция на атмосферу назойливой конъюнктурности и невозможности высказаться публично по острым проблемам «нерушимой дружбы народов».

Но всё-таки академическая наука в явном долгу перед обществом. 3 марта 1989 г. состоялось заседание Секции общественных наук Президиума АН СССР, на котором специально обсуждался вопрос о состоянии и перспективах изучения национальных отношений. Председательствовавший назвал это заседание «высшим научным ареопагом». Академики Ю.В. Бромлей (докладчик), П.Н. Федосеев, Б.Н. Пономарев, А.Г. Егоров, члены-корреспонденты А.А. Искендеров, Г.Б. Старушенко, профессора Э.А. Баграмов, С.Т. Калтахчян и другие выступившие ученые – люди известные, многие годы активно разрабатывающие основы теории и политики в данном вопросе. И на этом заседании было высказано много интересных и ценных положений и конкретных предложений.

И все же осмелюсь сказать, что дух охранительства и грозного осуждения «попыток пересмотреть базисные категории марксистско-ленинской теории» (так было записано в проекте принятого решения Секции), печально витал в зале. Выражались сожаления, что «даже в партийной печати высказываются неверные взгляды и положения». В частности, имелся в виду всего лишь заданный со страниц журнала «Коммунист» вопрос, почему в мировой научной литературе и международной политической практике под нацией понимается совокупность граждан одного государства и такое понимание для большинства населения мира является нормой.

Можно понять коллег, посвятивших свою научную карьеру обоснованию тех или иных положений, которые вдруг кто-то осмеливается подвергать сомнению. Но нельзя и заставить ученых перестать думать и осмысливать новые и очень трудные реалии. Пора и отказаться от претензий на абсолютную истину, выбросить из научного общения определения мыслей своих коллег как неправильные, неверные и т. п. Вера и научное мышление всегда были трудно совместимы!

А ведь ситуация по части теоретико-концептуальной разработки основ национальной политики действительно очень сложная. Так называемая марксистско-ленинская

теория национального вопроса в её нынешнем виде фактически способствует дестабилизации межнациональных отношений, ибо заключает в себе противоречащие здравому смыслу формулы, безнадежно отставшие от реальных общественных процессов социально-утопические воззрения. Взять хотя бы для примера трактовку такого ключевого положения, как право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания собственного государства.

Стерилизованный характер этого положения в нашей конституционной практике до сих пор объясняется теоретиками ленинским высказыванием, что данное право сравнимо с «демократическим правом каждого из супругов на развод», но что оно не означает какого-то призыва к «разводу»¹³.

Призывать к разводу, возможно, не всегда достойное занятие, но полагать, что право на развод достаточно только провозгласить, а самого развода в реальной жизни происходить не должно и формальной процедуры для его осуществления также не должно быть — это утопично и противоречит здравому смыслу. Остается только удивляться, как нашей теоретической мысли и пропаганде удавалось столько десятилетий совершать словесную эквилибристику, в т. ч. вокруг ленинских цитат, чтобы оправдать фарисейство политической практики.

Не всё просто и с разработанной в последние десятилетия в советском обществоведении теорией этноса. Работы Ю.В. Бромлея и других моих коллег на фоне застойных времен были безусловным шагом вперед и нелёгким гражданским поступком, но в буквальном смысле «стадиальная» отсталость общественной жизни фатально предопределяла невозможность освободиться от некоторых канонов и в мышлении.

Прошлым летом на международном конгрессе антропологов и этнологов в Загребе меня неприятно поразил иронический комментарий известного своими прогрессивными взглядами крупного американского ученого Э. Вулфа по поводу советского пленарного доклада: «Спасибо за лекцию по социальному расизму». Ещё раньше редактор журнала «Current Anthropology» А. Купер заметил, что «теория этноса — порождение позднего немецкого романтизма — по странной иронии сохраняется сегодня только в департаментах антропологии Москвы и Претории»¹⁴. Невозможно согласиться с этими облегченно-политизированными оценками, но всё же это — «сигнал», призывающий задуматься над нашими теоретическими построениями.

Видимо, прежде всего над целесообразностью детальной иерархии этнических общностей, жестко привязанной к пятичленной формационной формуле, детерминизм и однолинейность которой в понимании исторического процесса, особенно в XX в., всё больше не удовлетворяют историков. В итоге такой «увязки» появился

малопонятный тип этнической общности – народность, дожившая от рабовладения до социализма.

Понимание нации как типа этнической общности эпохи капитализма и социализма ведет к признанию её этнической однородности, в то время как дискретный характер наций, особенно в новейшую эпоху, стал более чем очевиден. Территория как признак этнической общности типа нации неизбежно связывается с понятием административных границ, что в рамках многонационального государства всё больше теряет смысл. Получается, что $\frac{4}{5}$ татар Советского Союза не принадлежат к татарской нации, а деятели армянской или грузинской культуры, живущие в Москве, тоже, согласно логике наших дефиниций, не принадлежат к собственным этническим общностям. Разными типами, причём стадийными (один выше другого) этнических общностей в нашей теории объявляются буржуазная и социалистическая нации, хотя все попытки объяснить различия между двумя этими типами сводятся к характеристикам двух различных общественно-политических устройств и не имеют собственно этнического значения. Особенно несостоятельными выглядят такие отличительные характеристики социалистической нации, как социальная однородность и гармоничность развития. Вполне очевидно, что социальный строй – не панацея от межнациональных конфликтов.

Наконец, трактовка этнического прежде всего в форме объективно существующих социальных группировок людей с определенным набором материальных признаков (самосознание среди этих признаков стоит на последнем месте) ведет к принижению значения духовных субстанций в характеристике этнических общностей, что расходится со всей идеологией национального в новое, а тем более – в новейшее время. Наша гуманитарная мысль оказалась равнодушной или беспомощной и не смогла раскрыть, сколь мощные мифотворческие, мобилизующие на определенные цели начала лежат в основе национального фактора в жизни людей. Вместо того, чтобы раскрыть эти мифологические начала, мы, опасаясь впасть в идеалистическую ересь, сами сотворили миф о безусловно объективной реальности этнических общностей, как неких архетипов, в т. ч. применительно к современной эпохе, чем как бы легитимизировали «национальную государственность», ассоциированную с той или иной доминирующей этнической группой. А это ещё более фатально расходится с процессами последовательной демократизации и создания гражданского общества, особенно когда речь идёт о многонациональных государствах.

Теоретическое переосмысление, видимо, требует более радикальных подходов, чем это представляется на первый взгляд. Сейчас, по словам А. Ципко, имеет место

попытка «отлучения реального социализма от его идейной основы»; «Велик соблазн вычеркнуть Сталина, а вместе с ним и его политическую практику, его представления о социализме из истории марксизма, международного коммунистического движения»¹⁵. Наиболее отчетливо это проявляется и в оценке истории национальной политики партии, в сфере, на первый взгляд, казалось бы, «перестроечных» изысканий по межнациональным отношениям, по проблемам нашего теоретического наследия в этой части марксистско-ленинского обществознания.

Пафос ученых и публицистов сейчас направлен на то, чтобы объяснить причины обострения межнациональных отношений в общем-то просто: «Это дают о себе знать деформации сталинизма, а затем период застоя в сфере национальных и межнациональных отношений»¹⁶. Нужно только «очистить Ленина от Сталина», восстановить ленинские принципы национальной политики и окажется возможным революционное обновление нашего общества, достижение качественно новых подходов и положения в сфере межнациональных отношений. К сожалению, в том же направлении достаточно жёстко ориентируют и документы XIX партконференции: «Единственно здоровой основой нашего развития может быть только последовательное проведение ленинской национальной политики»¹⁷.

Магия партийных решений и инерция теологического мышления не позволяют преодолеть базовый догматизм даже специалистам с репутацией радикалов.

Перед ними оказывается какая-то невидимая черта, за которую ступать пока боязно. В итоге предлагается всё тот же вариант, заново «читая Ленина», «найти современную истину»¹⁸.

По сути, нам предлагается принять в качестве нормативной, верной на все времена и на все случаи, марксистско-ленинскую теорию наций в том виде, как она представляется из цитат и отдельных работ К. Маркса и В.И. Ленина.

Неужели основоположники учения, если они считали себя учеными, а тем более политиками, согласились бы сегодня с таким подходом к тому, что было ими написано 100 лет назад? Сама природа научного мышления, здравый смысл, да и критическое (без софистики и эквилибристики выборочного цитирования) соотнесение когда-то безусловно верных и долгое время работавших на практику постулатов с действительностью конца XX в. убеждают, что помимо освобождения от деформаций, нужна сегодня и экспертиза самого генерального проекта. Не нужно бояться задать вопрос и дать ответ, в чём К. Маркс и В.И. Ленин не смогли оказаться провидцами на столетие вперёд (не думаю, чтобы они к этому и стремились), какие из положений и оценок сегодня просто не работают. Без этого невозможны ни творческое развитие

теории, ни качественно новые подходы в политике, зато вероятны очередной застой мысли и жестокий разлад с действительностью.

Обращаясь к В.И. Ленину, нельзя не видеть, что суть его философско-политического кредо при осуществлении плана социалистической революции заключалась в выдвижении наиболее радикального принципа – права наций на самоопределение вплоть до отделения и в осуждении принципов национально-культурной автономии. Этот вариант политической стратегии давал большевикам безусловные преимущества в борьбе за власть и поддержку народных масс, что и сделало возможным сохранить почти в тех же пределах территорию многонациональной царской России, но уже под эгидой революционной государственности. В то же время В.И. Ленин глубоко верил, что с устранением эксплуатации через упразднение государственного строя, через пролетарскую солидарность национальные различия, этнические чувства и проявления будут отходить на задний план с перспективой их неизбежного отмирания. В это, кстати, верила вся левая социалистическая мысль с конца XIX в., демонстрируя тем самым хорошо известное историкам явление под названием «заблуждение эпохи».

Но конец XX в. выявил принципиально иную ситуацию. Культурное многообразие и национальные различия, особенно в сфере самосознания и духовной жизни, сохраняющиеся независимо от социальных условий и в то же время лозунг создания «национальных государств» не реализовался в истории.

Более того, в многонациональных государствах попытки построить административное деление по этническим границам оказались трудноосуществимыми из-за повсеместно усиливающегося смешения людей разных национальностей, развития хозяйственных связей, утверждения общедемократических гражданских форм. В современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику гораздо чаще и успешнее именно через различные формы национально-культурной автономии, через развитие регионального и местного самоуправления, через общегосударственное хозяйственное преуспевание и совершенствование форм социального и политического устройства. Сегодня принцип права наций на самоопределение, как это ни трудно признавать, из арсенала государственной политики фактически исчезает повсеместно.

Если мы намерены перестраивать межнациональные отношения при условии сохранения нашего союза, построения современного демократического сообщества с высоко развитой экономикой и действительным культурным многообразием, то важно подумать о качественно новых подходах в теории и практике.

Зададим хотя бы один вопрос. Что такое нация? В недавно выпущенном учебнике по проблемам развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания можно прочесть следующее: «Представителям современной буржуазной социологии и политологии присуща тенденция к биологизации и психологизации нации... социальная подоплека такой позиции совершенно очевидна. Она состоит в том, чтобы затушевать и даже скрыть решающую роль историко-экономических, прежде всего классовых, факторов в жизни национальных общностей людей.

Этим же целям служит выпячивание, преувеличение значения этнических моментов (язык, территория, особенности культуры, психологии, обычаев, традиций и т. д.) в формировании, функционировании и развитии национальных общностей людей». А через две страницы: «Итак, нация – это историческая общность людей периода становления и развития капитализма (капиталистический тип нации) или социализма (социалистический тип нации), характеризующаяся устойчивой общностью экономических связей, территории, языка, культурно-психологических особенностей»¹⁹.

Так что же всё-таки такое нация, если без «выпячивания» и «преувеличения»? А ещё лучше, если без повторения сталинской формулировки из четырёх признаков, каждый из которых не выдерживает проверки действительностью? Право же, в шутовском определении нации, бытовавшем в Европе: «Нация это группа людей, объединённых ошибочным представлением о своём происхождении и общей неприязнью к своим соседям» – и то видится больше логики и смысла, чем в вышеприведенных цитатах.

Ну, а если серьёзно, то сейчас ученые во многих странах всё больше приходят к мнению, что дать какое-либо чёткое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно. Исследователи полагают, что нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутригрупповое понятие, а не что-то определяемое учёными или политиками извне. Нация является выражением общности судеб и интересов членов общества, это своего рода «постоянный, неформальный, извечно самоутверждающийся плебисцит»²⁰. Идея нации оформляется в среде того или иного народа и как средство достижения государственного суверенитета и реализуется с достижением этой государственности. Нация и государство образуют своего рода симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная «национальная воля». Другими словами, не после возникновения наций рождаются национальные движения, а наоборот, на почве национальных движений достигших определенного развития народов, оформляется идея нации. Не случайно, родившись в Европе в эпоху бур-

жуазных революций и образования национальных государств, идея нации, пройдя через этап слияния этого понятия с понятием государства, ныне явно проявляет признаки умирания, столкнувшись с новым этапом ломки всех межгосударственных перегородок на западноевропейском континенте и процессом «разгосударствления» жизни гражданских сообществ. В остальных районах Земли, не испытывавших прямого европейского влияния, понятия «нация» в общественной мысли и практике нет вообще.

Мы же вслед за Сталиным придали понятию «нация» чётко материальные признаки, жёстко связав их с республиканскими статусом и территориями.

Затем стали конструировать «социалистические нации», составлять их перечень, закреплять его в Конституции. И в результате создалась ситуация, о которой хорошо сказал Ф. Искандер: «Национализм подогревается самой структурой нашего общества, где учёт национальных интересов, изначально правильный и благородный, превратился в дурную формальность»²¹.

Ещё более сложно обстоит дело с понятием «народность», которое мы уже долгие годы переводим для своих зарубежных коллег как *narodnost'*, не в силах толково объяснить его современное содержание, а для себя уже согласились считать народность «маленькой нацией»²². Возможно, разумнее самим народам (будь то украинцы или цыгане, армяне или нивхи) дать возможность называть или не называть себя нацией и не придавать этому понятию конституционную дефиницию.

Выдвижение в качестве главного приоритета расширения прав союзных республик притом, что в нашей Конституции они определены как «национальные государства», на мой взгляд, не решит проблему гармонизации межнациональных отношений в нашей стране. Более того, оно может привести к обострению ситуации в связи со статусом и правами граждан республик, которые не принадлежат к т. н. коренным нациям. Такую ситуацию мы уже наблюдаем в СФРЮ, а в последние месяцы и в СССР. Слом вертикальных бюрократических структур и ограничение прерогатив Центра необходимо, но оно в равной мере должно касаться не только союзных, но и автономных республик, областей и округов, территориальных областей, а между тем некоторые из них по своей численности, хозяйственному потенциалу, производимым материальным благам не уступают союзным республикам. Этот процесс должен рассматриваться прежде всего как часть процесса общей демократизации нашего гражданского общества, расширения местной автономии и самоуправления. Нужно обрезать крону центральной системы, укреплять места и регионы.

Включение же этого процесса в контекст и даже в основу перестройки межнациональных отношений неминуемо ведет к абсолютизации фактора «национальной го-

сударственности». Последняя же сама по себе ещё не гарантирует обеспечения прав народов, их свободного развития. К тому же, как известно, СССР – это общество неравноправной национальной государственности. Устранение во многих случаях непонятной иерархии национальных образований повышением статуса некоторых из них и достижением равноправия в рамках федерации, на наш взгляд, необходимо. Это не только укрепило бы позитивные центробежные тенденции (последние неверно трактуются только как негатив), но, что особенно важно, снизилась бы исключительность статуса 15 из более, чем 100 народов страны (вернее, той их части, которая проживает в пределах «своих» союзных республик), были бы ослаблены причины конфликтных отношений по поводу национальной государственности.

В основу концепции гармонизации межнациональных отношений должен, на наш взгляд, быть положен принцип обеспечения прав народов на путях расширения самостоятельности регионов, культурной автономии, а самое главное – последовательной гражданской демократизации, включая обеспечение специфических интересов отдельной личности и коллективов, обусловленных принадлежностью к тому или иному народу. Субъектом национальных прав должен быть прежде всего гражданин как высшая общественная ценность, а уж затем народ, а тем более государственность в виде республики.

Еще один незыблемый постулат – это безоговорочное убеждение в преимуществах существования крупных государств и социальных условий жизни в них граждан. В случае с Советским Союзом в качестве аргумента часто приводится высказывание В. И. Ленина: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами, мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»²³.

Действительно, на протяжении столетий человеческой истории такая наиболее сильная и всепроникающая социальная группировка людей, как государство, имела естественную тенденцию к расширению, к экспансии: чем больше территория и ее ресурсы, людской потенциал в пределах государственных границ, тем мощнее выглядело данное политическое сообщество в плане обеспечена социальных условий жизни своих членов и в плане защиты от внешней угрозы.

Процесс «огосударствления» народов Земли, включая формирование колониальных империй и мощных сверхдержав особенно бурно проходил в период утверждения и развития капиталистических производственных отношений, особенно в XVIII–

XIX вв. Второй мощной волной этого процесса было образование новых суверенных государств на развалинах бывших крупных монархий (Османская империя, Австро-Венгерская монархия и др.) и в результате распада колониальных империй, прежде всего Британской. Но и этот процесс, начавшись в XIX в., в принципе завершился к 60-м гг. XX в. Что касается многонациональной Российской империи, то её, видимо, ожидал бы тот же самый закономерный исторический финал, но только мощная революционная идея и созданная большевиками монолитная политическая и государственная система (к сожалению, вскоре переродившаяся в тоталитаризм) позволили сохранить единство народов и создать федеративное государство, в своих очертаниях почти повторившее границы бывшей империи.

Но нельзя забывать, что в первые же годы после свержения царизма, а затем победы социалистической революции в итоге прежде всего национальных движений реализовали право на самоопределение крупные народы национальных окраин (Польша, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Азербайджана, Армении, Грузии, да и собственно РСФСР). Таким образом, провозглашенное большевиками в тех исторических условиях право на самоопределение было не просто лозунгом, а действительно было сравнимо с демократическим правом каждого супруга на развод.

Однако правом на самоопределение в первые годы после краха царизма смогли воспользоваться далеко не все народы прежде всего в силу тогдашнего уровня своего развития. Этот выбор у них был ещё впереди. Во-вторых, в ряде конкретных случаев, как, например, в Прибалтике, говорить о подлинном волеизъявлении народов с 1940 г. было бы просто антиисторично.

Так где же выход сегодня? Неужели возврат почти на столетие назад, ко временам национальных движений, к лозунгам и принципам национальной политики 1917 г., действительно спасшим революционную Россию в тот исторический момент? И здесь не мешает взглянуть на мир конца XX в. и на ситуацию в нашей стране спокойным взглядом современника, не боясь лишиться провидческих подпорок гениев революционного мышления прошлого. Видимо, процесс «огосударствления» населения Земли, а вместе с ним и эпоха национальных движений и тотальных революционных переворотов уже завершились. 3–4 тысячи народов оказались проживающими в пределах примерно 170 суверенных государств, а принцип создания государств «по национальности» (один народ – одно государство) не реализовался в истории: человечество предпочло жить в многонациональных образованиях по ряду объективных причин, хотя это предпочтение не всегда реализовывалось добровольно для всех без исключения народов.

Более того, во второй половине XX в. наряду с растущими взаимозависимостью, сотрудничеством и глубокой интеграцией возросли тенденции неравномерного развития государств, их жёсткой глобальной конкуренции за мировые ресурсы и опасного военного соперничества на мировой арене, угрожающего гибелью всему человечеству. Сверхиндустриализация и беспредельный рост производимых и потребляемых благ вызвали экологические проблемы, не разрешимые в рамках национальных границ. Во внутренней жизни государств эпицентр социальных конфликтов всё больше перемещается с классовых параметров к антитезе «личность – государство» из-за узурпации институтами власти делегированных гражданами прав и коллективного суверенитета.

Современные эффективные производство и хозяйственные связи не могут ограничиваться государственными рамками как бы ни были обширны территории и богаты ресурсы последних. Нивелирующие стандарты современного образа жизни, интернациональная массовая культура и атрибуты общегосударственной культуры вызывают реакцию «этнического возрождения» в самых причудливых формах; от использования локальной традиции до солидарности на межгосударственном, межконтинентальном уровне. Сегодня экономика, этничность и государственность, в прошлом тесно связанные и взаимообусловленные, начинают функционировать и даже способны выжить только по своим собственным, отдельным законам существования. Столь необходимые в прошлом для двух первых политико-административные границы ныне стали препятствием, да и для государств в ряде регионов границы все больше становятся лишь символами.

Наднациональные формы интеграции, как и способность современных средств коммуникации осуществлять общение (а это значит составлять общность) граждан и организаций, минуя государственные институты, уменьшают необходимость в существовании государственной власти. Государство теряет смысл в мирном и гомогенном обществе, для которого достаточно механизмов социальной саморегуляции. Таким образом, есть основания для вывода, что государства как таковые становятся определёнными ограничителями на нынешнем этапе социальной эволюции человечества.

Остаётся задать вопрос: какая тенденция сегодня является наиболее значимой в глобальных масштабах и в общем направлении эволюционного процесса – разрастание государств или, наоборот, дробление политических образований? Как известно, государства не только возникают, но и распадаются, дробятся на более мелкие или даже просто исчезают с лица Земли. То же самое, даже в более подвижной форме, свойственно внутригосударственным автономиям. На рубеже двух столетий, когда в исто-

рическом творчестве людей на первый план выходят не столько задачи «тотальных» социальных переворотов, освободительных революций и образования суверенных государств, сколько задачи совершенствования существующих политических структур, демократизации, улучшения социальных условий существования людей, перед государствами встает как бы «изнутри» новый исторический вызов. Особенно это касается крупных многонациональных государств. Необходимо доказать (не силой и не ссылкой на некогда сделанный бесповоротный выбор, а примером) преимущества не только социальной сущности избранного общественного устройства, но и формы государственного образования (федеративной, автономной или унитарной) в сравнении с другими возможными альтернативами. Это «бремя доказательств» должно ложиться не только на саму государственную машину, аппарат центральных властей, но и на народ или народы, «инициаторов» многонационального союза. История знала достаточно случаев, когда гибли многонациональные империи и государства из-за ослабления силы авторитета и притягательности примера «центра» и одновременного усиления этнической «периферии».

Так ли реальна перспектива «балканизации» крупных многонациональных государств, в т. ч. и нашего Союза? Задавать такой вопрос и искать ответ на него необходимо. В пользу их сохранения действует глобально-демографический фактор. В мире идет процесс всё большей концентрации населения Земли в составе крупных государственных образований. В 1950 г. в крупнейших странах (более 100 млн. жителей) проживало 49,8 % всего населения, в 2000 г. будет жить 63,4 % всего населения мира. Всего в наиболее крупных и средних странах (с населением более 10 млн. человек) в 1950 г. сосредоточено 86,4 %, а в 2000 г. будет жить 94,6 % населения Земли. Политические реалии тоже не столь пугающие. Как бы остро ни проявлялись в ряде стран, как правило, с переменными социальными проблемами, сепаратистские тенденции к приобретению собственной государственности со стороны некоторых этнических групп, дело в большинстве случаев заканчивается оформлением разного уровня внутренних автономий. Небольшие народы в конечном итоге предпочитают оставаться в составе крупных политических образований. Так, например, много лет Квебекская партия в Канаде вела отчаянную политическую борьбу за отделение франкоязычной провинции Квебек от канадской федерации. Придя к власти и проведя в 1979 г. референдум по данному вопросу, сепаратисты не получили должного мандата от франко-канадцев на эту акцию. Данный пример, на наш взгляд, является одним из возможных вариантов решения вопроса о самоопределении демократическим путем. Но только он предполагает достаточно высокий уровень гражданского самосознания

и правовой культуры, исключая возможность манипулирования массовым сознанием, преобладание эмоций над разумом.

И, наконец, последний вопрос: почему народы предпочитают жить в крупных многонациональных образованиях? Не по причине же невозможности противостоять сформировавшейся центральной власти с её атрибутами силы и воздействия! Хотя и такая ситуация далеко не исключение. Главные факторы объединительного характера всё же состоят в возможности соединения ресурсов и потенциала народов в условиях государственного союза для обеспечения более высокого уровня благосостояния, а также в возможностях защиты от внешних угроз в социально неоднородном мире.

Эти положения долгое время нам представлялись бесспорными. Однако ядерная эпоха и накопление крупными державами потенциала оружия всеобщего уничтожения практически лишили народы этих государств столь длительно сохраняемого преимущества. Возможная ядерная катастрофа сегодня коснётся в первую очередь тех стран, которые имеют самую мощную силу для своей защиты. Стоит упомянуть также, что производство и содержание этой силы ложится ныне огромным бременем на население крупных стран, сдерживая уровень его материального развития. Таким образом, в последние десятилетия преимущества жизни в крупных странах подвергаются серьёзному вызову со стороны ядерного монстра. Чем народы, в т. ч. и нашей страны, могут ответить на этот вызов? Утопично думать, что какая-то сверхъестественная сила в один и тот же день и час упразднит крупные державы, разбив мир на мелкие государства, не способные больше угрожать другим народам и выживанию человечества. Опасно полагать, что наш Союз своим единственным примером должен реализовать намечающуюся тенденцию «разгосударствления» жизни гражданских сообществ. Наши высокие, но во многом оставшиеся декларативными ценности и идеалы и низкокачественные товары встретят столь жёсткое противостояние, что могут обречь не одно поколение людей на ещё большие трудности и отставание.

Менее утопична надежда на возникновение определённых надгосударственных структур в рамках мирового сообщества, способных взять на себя решение глобальных проблем. Историческое предназначение нашего многонационального государства через развитие гражданского общества и равноправия народов обеспечить последним достойное место в этом мировом содружестве. Но это при условии, что сами народы сделают выбор в пользу обновленной федерации, а не предпочтут другие варианты развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ *Nietschmann B.* The Third world war // Cultural survival quarterly. 1987. № 3.
- ² См.: Сов. этнография. 1986. № 3, 4, 5.
- ³ *Ontario Indian.* 1980. Nov. Vol. 3. № 11. P. 27.
- ⁴ *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978. С. 382.
- ⁵ Конституция СССР. Политико-правовой комментарий. М., 1982. С. 207.
- ⁶ Там же. С. 208.
- ⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170.
- ⁸ Конституция СССР. С. 209.
- ⁹ *Шаумян С.Г.* О национально-культурной автономии. М., 1959. С. 10.
- ¹⁰ См. тексты важнейших партийных документов, в т. ч. Программу Коммунистической партии Советского Союза.
- ¹¹ Правда. 1989. 3 апреля (из выступления художника И. Глазунова).
- ¹² *Куличенко М.Н.* Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981. С. 79.
- ¹³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 25. С. 286.
- ¹⁴ *Kuper A.* United nations? // Politics. 1987. June 12.
- ¹⁵ *Ципко А.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 47.
- ¹⁶ *Зотов В.* Национальный вопрос: деформации прошлого // Коммунист. 1989. № 3. С. 79.
- ¹⁷ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1988. С. 65.
- ¹⁸ *Крюков М.В.* Читая Ленина // СЭ. 1989. № 4.
- ¹⁹ Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания. М., 1988. С. 13, 15.
- ²⁰ *Gellner E.* Nations and nationalism. Oxford. 1988. P. 53. Известия. 1989. 1 января.
- ²² Актуальные проблемы. С. 56.
- ²³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 379.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:

119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.

Институт этнологии и антропологии РАН

тел. 938-00-19, 938-58-79

E-mail: INFO@IEA.RAS.RU

fax: (7-495) 938-06-00

Подписано к печати 10.10.2009. Тир. 100 экз. Печ. л. 3,5. Заказ № 50.
УОП Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32 А.

VALERY A. TISHKOV

Professor of History and Anthropology, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of Institute of Ethnology and Anthropology RAS, author of many books and other publications in the area of ethnicity, nationalism, conflict and indigenous people studies. Memberships in Academic and Research Institutions and Union: Russian Fund for Humanities, Member of the Council; International Academy of Social and Education Sciences, President; International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, Vice-President; Russian Academy of Natural Sciences, full member and Vice-President.

ISBN 978-5-4211-0002-7

9 785421 100027